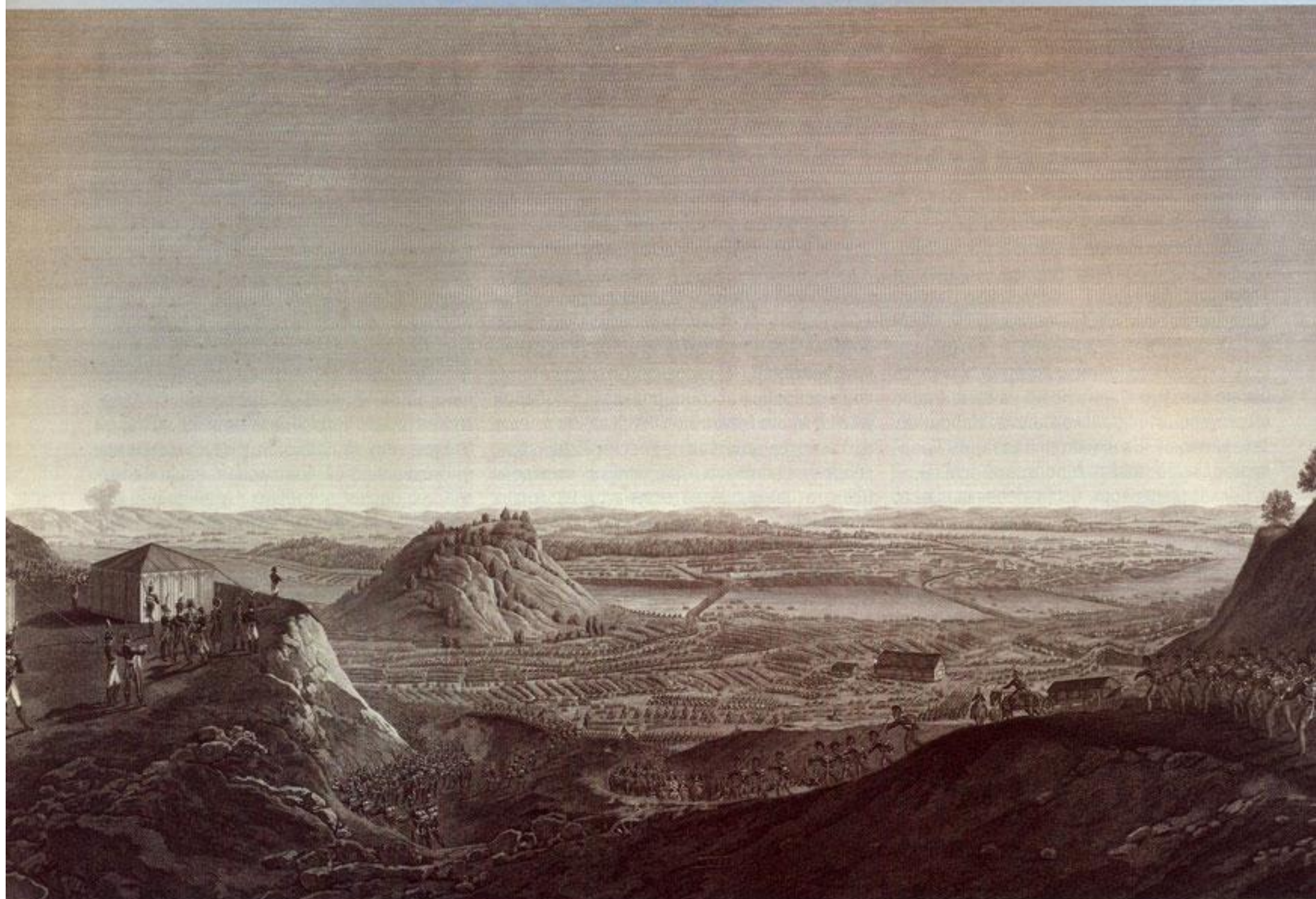

Виктор **БЕЗОТОСНЫЙ**,
кандидат исторических наук

А БЫЛА ЛИ ВОЙНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ?

Заданный вопрос отнюдь не праздный. В последнее время находится слишком много любителей от истории, которые хотят поставить под сомнение устоявшийся в литературе термин. Надлежит признать, что в их распоряжении есть определённый набор фактов и аргументов в пользу такого мнения. И это обстоятельство заставляет ещё раз проанализировать события 1812 года в этой плоскости.

Ещё во время войны, в 1812-м, литератор Николай Греч стал издавать журнал «Сын Отечества», а название ему он дал, используя строки из письма брата — артиллерийского офицера, убитого в Бородинском сражении. Журнал стал очень популярным и в обществе, и в армии и имел огромное воздействие на читательскую аудиторию. Вообще, в 1812 году слово «Отечество», если просмотреть официальные правительственные документы или переписку современников, встречалось очень часто. Особенно это характерно для императорских манифестов, составленных адмиралом Александром Шишковым; как пример укажем на воззвание к дворянству, «во все времена бывшему спасителем Отечества».

Поэтому не успел развеяться пороховой дым сражений, ещё до знаменитых наполеоновских «ста дней», когда участ-

ник этой войны поэт Фёдор Глинка уверенно и гордо назвал её «Отечественной» (его книга «Подвиги графа М. А. Милорадовича в Отечественную войну 1812 года» вышла в Москве в 1814-м), а в 1816 году появилась его статья опять-таки в журнале «Сын Отечества» — «Рассуждения о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Так это определение навсегда вошло в историографию, и его, хотя и не сразу, подхватили другие авторы. На их взгляд, как современников событий, так и историков, новый термин полностью соответствовал характеру, целям и задачам войны со стороны России.

Переход через Неман 12 июня 1812 года
и начало войны 1812, 1813 и 1814 годов. Гравюра исполнена
в мастерской И. С. Клаубера по оригиналу Д. Бажетти. После 1814 г.

Каков же набор аргументов и обоснований у нынешних противников этого названия? Во-первых, не всё население огромной Российской империи было единодушно по отношению к неприятелю. Действительно, например, территория Литвы использовалась для формирования польским дворянством из местных уроженцев воинских контингентов для Великой армии, а прибалтийские губернии оказались достаточно индифферентными и, хотя создали Лифляндское ополчение и ряд других подразделений, в целом не проявляли особого рвения. Подобное равнодушие проявляли и некоторые народы национальных окраин империи. О народном характере войны можно говорить только в захваченных противником великорусских губерниях.

Не всё так просто было и с ополчением: оно не было всеобщим и состояло в основном из крепостных крестьян. В действительности формированием ополчения занималось местное дворянство, оно же поставляло туда и офицерские кадры. Этим можно объяснить, что создавалось оно не во всех губерниях. Там, где не было дворянства или оно не считалось благонадежным, его не создавали: кто бы им тогда командовал? Допустим, пожелай крепостной добровольно вступить в ряды защитников Отечества, помещик мог ему и не разрешить. Вообще, крестьяне туда попадали по выбору помещика, его управляющего или по воле общины: это были не самые лучшие люди деревни, а те, которыми не жалко было пожертвовать, тем более что нормативные требования для попадания в ополчение были занижены по росту, возрасту и состоянию здоровья. Туда попали в первую очередь те, кто ранее не подходил по физическим параметрам для рекрутских наборов.

Достаточно сложно дело обстоит и с жертвованиями. Хорошо известно, что в России благотворительные взносы купечества по воле местного начальства часто имели добровольно-принудительный характер. Таковы основные аргументы, которые могут предъявить сомневающиеся в истинности названия «Отечественная война».

Заметим, что сомнения о характере войны возникают в первую очередь у тех, кто так или иначе явно сочувствует Великой армии и даже сожалеет, что Наполеон потерпел поражение в России. Не будем брать в расчёт утверждения отдельных лиц, уверяющих при помощи манипуляции фактами, что Россия в 1812 году, оказывается, проиграла...

Попытаемся доказать, что войну эту уже два века правомерно называют Отечественной. Россия того времени была феодальной империей с крепостническим укладом. Да, с Наполеоном воевала крепостническая держава, увы, другой России тогда не существовало. Но в 1812 году перед такой Россией стояла вполне реальная угроза потери своего суверенитета. По мнению наших новоявленных прогрессистов, такая держава должна была проиграть, сложить оружие, ну а тогда бы, глядишь, французы нас научили бы жить по-европейски, без всякой там азиатчины. Правда, это всё сплошные фантазии.

Теперь коснёмся социального облика страны. Тогда не существовало классов (это поздняя придумка господина Маркса), всё население делилось на сословия: дворянство, духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, казачество и большое количество мелких социальных групп, которые также назывались сословиями, но о существовании их современный гражданин даже не слыхивал. Но очень важно понять, что единственное сословие, которое внятно могло выразить и сформулировать свой общественный интерес, именовалось дворянством. Именно оно могло говорить от имени всей империи. В данном случае уместно привести суждение современника событий Николая Карамзина: «Дворянство есть душа и благородный образ всего народа»¹. Остальные социальные группы оставались безмолвными, даже духовенство и купечество, не говоря уже о

крестьянстве, способном лишь на локальные бунты. Особо выделим ситуацию с крепостными: это более половины крестьян в России. Историки-марксисты в советский период любили рассматривать любые крестьянские волнения — как против французов, так и русских властей — как проявление классовой борьбы в 1812 году. Но учёным очень хорошо известно, что все крестьянские бунты в силу социальной ограниченности этого сословия всегда носили локальный и временный характер.

Благородное сословие уже имело к тому времени уездные и губернские дворянские собрания, то есть было организовано. И если говорить об обществе, то это было общество дворянское. Все остальные сословия по отношению к дворянству занимали подотчётное или зависимое положение и не имели никаких особых органов, к которым бы прислушивалось правительство. Дворянство, напротив, составляло фундамент самодержавия, поставляло основные кадры для армии и на гражданскую службу, а дворяне-землевладельцы составляли основную силу крепостнической экономики.

И ныне очень странно слышать из уст иных авторов, что, мол, дворяне тогда в целом очень хорошо относились к Наполеону и Франции. Давайте внимательно посмотрим: что могла предложить Франция на рубеже двух веков феодальной России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого во многом напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве (очень актуально для крепостников!), отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» (читай, и дворянам тоже) и впридачу французскую гегемонию в Европе! Да ещё континентальную блокаду, которая была прямой наводкой по российской экономике и во многом по помещичьим хозяйствам. И что же, после этого дворянство, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить своё правительство, что Франция — это единственный и естественный союзник России? Возможно, митрофанушки ещё не успели выветриться и встречались на русских просторах, коль о них писал Денис Фонвизин во второй половине XVIII века, но их было не так уж и много, да и не могло всё сословие поголовно поглупеть настолько, что у него напрочь атрофировалось социальное чутьё.

Напротив, дворянство тогда очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу социальным устоям государства и их положению. Ведь ещё не прошло и тридцати лет со времени пугачёвского бунта, а испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений благородного сословия. Даже дошедшая до нас частная переписка представителей дворянства в 1812 году наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным². Призрак второй пугачёвщины неотступно присутствовал в умах дворян — сравнительно небольшого по численности слоя в многомиллионной крестьянской стране. Русскому дворянству тогда было что терять. Поэтому Россия крепостническая очень чётко определяла Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника.

Да, русское дворянство было неоднородным, различалось по знатности, богатству, общественному положению. Существовал верноподданный чиновно-сановный Петербург, «столица недовольных» — Москва, где проживали фрондирующие опальные отставники и крупные помещики центральных губерний (очаг дворянского вольномыслия и цитадель сословной оппозиции), присутствовала родовая аристократия, негласно претендовавшая на властные полномочия в государстве, крупное столбовое поместное дворянство и бедные беспоместные чиновники и офицеры, получившие за службу право приобщиться к благородному сословию. Имелись внутри дворянства и общественные группы —

ровки, или, как их тогда называли, «партии», ориентированные и защищавшие разные модели развития страны: «английская»³, «русская»⁴, с некоторыми оговорками — «немецкая»⁵.

Но вот о существовании «французской партии» в источниках можно найти только искажённые отголоски⁶. Правда, в переписке 1812 года у некоторых русских патриотов в шовинистическом угаре в качестве давнишнего пугала фигурировали «иллюминаты» и «мартинисты» (чаще всего под них подходили масоны), правда, больше как некие фантомы и агенты Наполеона. Хотя на самом деле масоны изучали туманные доктрины европейских мистиков и клеймили революцию и французского императора как врага «всемирного спокойствия». Но эти термины — «иллюминаты» и «мартинисты» — больше использовались как жупелы, а также козырь для бездоказательных обвинений в пронаполеоновской ориентации и в стремлении заключить мир с Францией в адрес некоторых высокопоставленных лиц в окружении Александра I⁷. При этом стоит отметить, что в начале XIX века, несмотря ни на что, Франция по-прежнему в поведенческом отношении оставалась Меккой всей дворянской аристократической культуры и была законодательницей моды.

В целом же правительственная политика по отношению к Франции, в частности войны с Наполеоном в 1805–1807 годах, полностью поддерживались русским

дворянством⁸. А если возникало недовольство, то как раз по отношению к русско-французскому союзному договору в Тильзите (1807). В нашей историографии несколько выделяется только позиция О. В. Соколова, когда он удивляется и сетует на неудачный выбор русских послов при Бонапарте в 1801–1805 инство русских дипломатов, сановников, генералов, да и простых дворян. Это было господствующее умонастроение всего сословия.

Иных, принимавших постреволюционную Францию и позитивно к ней настроенных правительственных чиновников в России не было, да и быть не могло в силу идеологической несовместимости. Поэтому не стоит удивляться холодному приёму, которое оказывало русское общество практически всем посланникам Наполеона в Петербурге в 1801–1805 и 1807–1812 годах. Не смог избежать прохладного отношения к своей особе в бытность послом даже французский аристократ де Коленкур. В глазах русских дворян он оставался изменником своего короля и слугой «узурпатора» и «мещанина на троне» (к тому же он запятнал себя арестом герцога Энгиенского). На французские дипломатические приёмы приходили в основном лишь чиновники, которым это вменялось по службе, дворян-

ское же общество их игнорировало, а в среде гвардейской молодёжи считались хорошим тоном всякого рода антифранцузские выходки. В то же время в России

Огонь с четырёх углов
или пятеро братьев (Наполеон Бонапарт
делит Европу между родственниками).
Гравюра неизвестного художника начала XIX в.

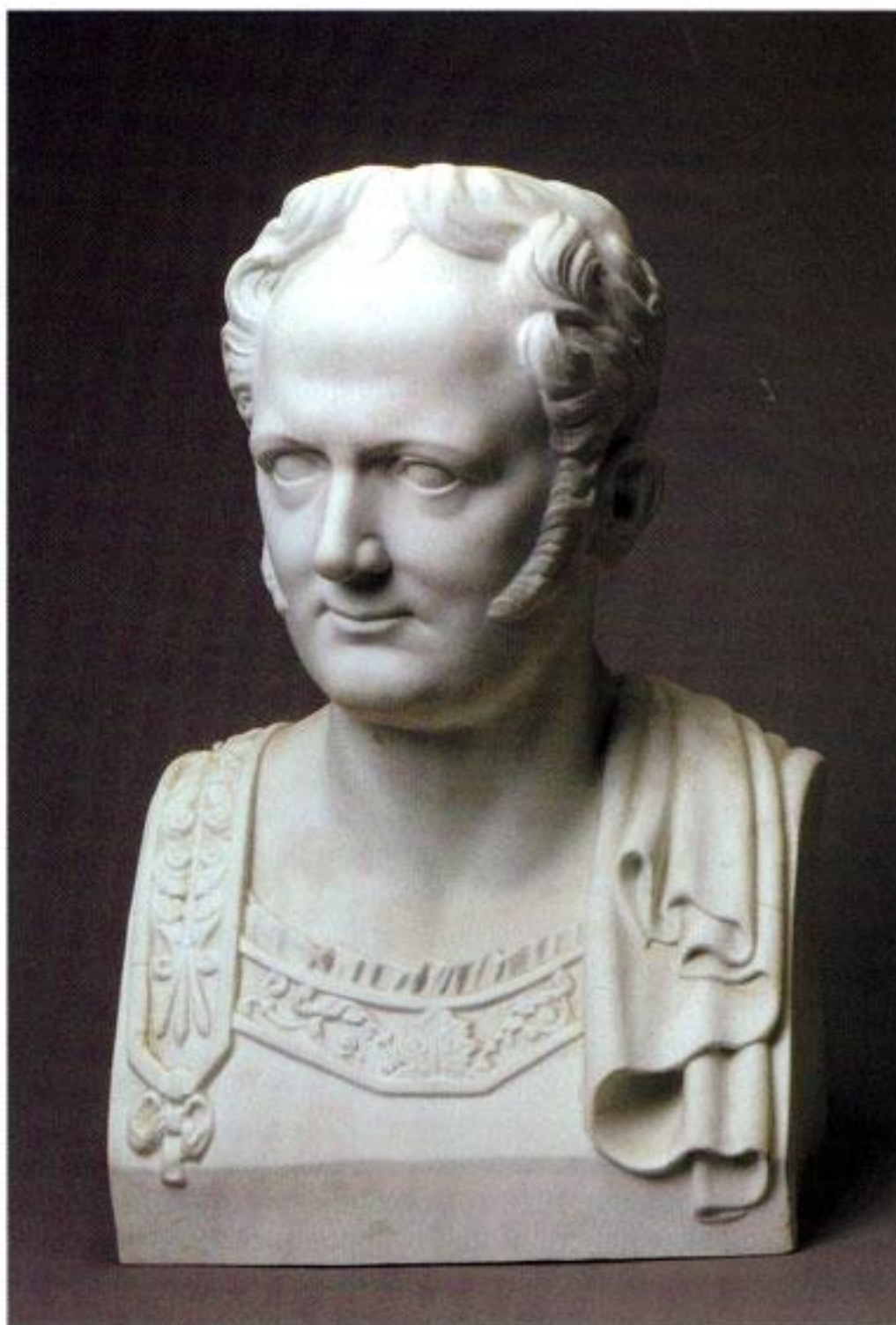
проживало большое количество французских роялистов-дворян. Они, можно сказать, попали в знакомую с детства атмосферу — в общество, в котором господствовали легитимистские настроения и образ мысли. Вот их-то охотно принимали в светских салонах: они были там желанными гостями и чувствовали себя своими людьми¹⁰. А многие из «мучеников революции» находились на государственной и придворной службе, в том числе в рядах армии, и никаких препятствий им не чинилось¹¹.

Теперь обратим взор на русскую журналистику. Тема патриотизма и борьбы с внешним врагом стала в 1812-м основной на страницах журналов, газет и неперIODических изданий¹². Благодаря публицистам получила распространение по аналогии с Испанией идеологема о «народной войне». Именно в этот период резко обострился и интерес к собственной истории.

На кого была рассчитана эта печатная продукция и кто её выпускал? Несмотря на различные направления изданий (официальное, консервативное, либеральное), всех их объединяло то, что они издавались дворянами и были рассчитаны на чтение дворянскими кругами в армии и в обществе. Исключение составляли лишь «ростопчинские афишки» для народа. Собственно, русская публицистика и сформировала общественное дворянское мнение о войне 1812 года. Ещё раз подчеркнём, что все другие сословия в России оставались безгласными и к их мнению мало кто прислушивался, да и оно почти никак не выражалось.

Говоря о Российской империи, невозможно не коснуться многонационального и религиозного её состава. Это очень важные аспекты темы. Историческое ядро страны составляли восточные славяне — русские, украинцы и белорусы. Для них российский император являлся не только монархом, но и помазанником Божиим на земле. Остальные — «иногородцы» и «иноверцы» — составляли значительную часть населения и их отношения с самодержавием были более сложными. Самым проблемным был вопрос, связанный с польскими католиками, хотя они и не являлись большинством в недавно присоединённых к России территориях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Главным раздражающим элементом для русской администрации считалась польская шляхта, представители которой не горели особым желанием становиться русскими подданными и в большом количестве поступали на военную службу не в Россию, а в герцогство Варшавское. Можно отметить и наличие польско-католического ареала влияния, но его притягательность ограничивалась географическими рамками бывшей Речи Посполитой. Кроме того, в высших слоях имперского общества господствовало стойкое предубеждение к полякам, если не сказать больше. Приведём по этому поводу характерное высказывание Греча. Перечисляя представителей наций, активно боровшихся с Наполеоном, он сделал лишь два исключения, упомянув турок и поляков: «...первые не христиане, последние и того хуже»¹³. Справедливости ради отметим, что в этот период поляки служили также во французских, австрийских, прусских и русских частях. Во всяком случае, значительная часть польской шляхты, подданных русского царя из литовских и белорусских земель, в 1812 году оказалась в рядах Великой армии.

Немецкоговорящее дворянство Эстляндии и Лифляндии, воспитанное на средневековых традициях рыцарства и верности своему сюзерену, полностью поддерживало российский правительственный курс. Офицеры-остзейцы составляли в 1812 году значительный процент в вооружённых силах России, кроме того наблюдался приток волонтёров в армию немецких юношей именно в этот период. Потомки украинской казачьей старшины уже оказались втянутыми в процесс инкорпорации в российское благородное сословие

Неизвестный скульптор. Александр I. 1820-е.

и верой и правдой служили в российской армии, а многие их них прославили свои имена как раз в 1812-м. Феодалная верхушка других многочисленных народов (татары, башкиры, калмыки, крымские татары, тептяри и мишари) занимала офицерские должности в иррегулярных формированиях и также отличилась на полях сражений. Особых национальных эксцессов на российских территориях не наблюдалось, и даже недавно присоединённая Финляндия достаточно спокойно провела весь 1812 год.

Наконец, рассмотрим масштабы войны. В России в 1812-м насчитывалось приблизительно 41–45 млн населения, во Французской империи — 42 млн человек¹⁴. Но по сути наполеоновское нашествие стало борьбой России с общеевропейской коалицией стран. Наполеоновская Великая армия по размерам и материальным издержкам превосходила всё, что видела и знала Европа ранее, — от 610 до 680 тысяч человек, по разным подсчётам. Поневоле Россия вынуждена была противопоставить этому иностранному вторжению максимум своих возможностей, мобилизовать все ресурсы и в итоге выиграла эту борьбу ценой неимоверного напряжения всех сил. Хотя авторы в данном вопросе расходятся в цифрах, назовём усреднённые данные русских сухопутных сил перед войной и во время войны: 500–800 тысяч человек вместе с иррегулярными войсками, а численность собранного ополчения в период войны составляла от 211,2 до 237,5 тысячи, не считая Украины, Дона и народов Поволжья¹⁵.

С этими данными необходимо сравнить сведения о рекрутских наборах. В начале XIX века, по исчислениям луч-

шего в середине того столетия специалиста по статистике Д. П. Журавского, за тринадцать лет (1802–1815) в рекруты попало 2 158 594 человека, что составляло примерно третью часть всего мужского населения от 15 до 35 лет¹⁶. По данным, приводимым составителями «Столетия Военного министерства», в царствование Александра I (18 наборов) рекрутами стали 1 933 608 человек¹⁷. А. А. Керсновский полагал, что за десять лет «было поставлено не менее 800 000 рекрут, не считая 300 000 ополчения Двенадцатого Года», а все находившиеся на военной службе составляли «4 процента 40-миллионного населения страны»¹⁸. В любом случае, все эти цифры огромны и впечатляют.

Вопрос о потерях России практически никто не исследовал; называются самые разные цифры. Так, Александр I в письме к австрийскому императору летом 1813 года, упоминая об огромных лишениях, понесённых Россией в 1812-м, сообщал без всякой конкретизации: «...провидение пожелало, чтобы 300 тысяч человек пали жертвой во искупление беспримерного нашествия»¹⁹. Российский император эту цифру, по-видимому, назвал приблизительно, на глазок. Военное министерство, насколько нам известно, никогда не подсчитывало потери в период Наполеоновских войн, а собирало в лучшем случае лишь данные о недокомплекте войск. Да и подавляющая часть авторов, не имея возможности найти достоверные источники часто даже по отдельным сражениям, вообще предпочитала не писать об обобщающих потерях. На наш взгляд, людские потери России в 1812–1814 годах можно оценить в приблизительном диапазоне до миллиона человек, но никак не больше.

Как же могли оценивать происходившее мыслящие и грамотные современники 1812 года? Учтём, что даже известия о начале военных действий или о Бородинском сражении в отдалённые районы империи приходили с запозданием в несколько месяцев. Но война так или иначе коснулась практически всех жителей страны, особенно центральных губерний, и все они оказались причастными если не к отражению неприятеля, то вовлечёнными в водоворот стремительно развивавшихся событий.

Подведём итоги. Выразителем государственных и общественных интересов России было дворянство: именно ему бы-

ло что защищать и терять в противоборстве с Наполеоном. В силу этого благородное сословие России стало главной силой в стране — и в армии, и в государственном аппарате — в войне 1812 года. Патриотизм, охвативший Россию, был характерен в первую очередь для дворянской молодёжи, он оказался заразительным и для других слоёв российского населения.

В тот период Россия приютила значительное число европейских антибонапартистов. По словам Греча, «дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское, общее, человеческое, следовательно, все благородные люди становились в нём земляками и братьями»²⁰. Но для всех иностранцев в армии война не была Отечественной: они смотрели на неё как на интернациональное явление. Другое дело — русские дворяне: 1812 год для них стал годом тяжелейших испытаний, как и для всего народа.

По окончании военных действий на русской территории, уже в 1813 году, находясь в Силезии, Фёдор Глинка набросал начало своей знаменитой статьи «О необходимости иметь историю Отечественной войны...». Затем это именование прочно закрепилось людьми, писавшими на эту тему, и вошло в сознание современников и участников. Да, это были дворяне, в том числе и крепостники-помещики, но подвиг русских людей в 1812 году не становится от этого менее значимым: они сотворили эту историю нашего Отечества, сделали её и наименовали, как чувствовали.

Да и имеем ли мы право сегодня исправлять или изменять историю, придираясь к названию? Как писал сам Глинка, обращаясь к современникам и адресуясь к будущим историкам войны: «Когда же смерть отнимет вас у Отечества, когда всё современное вам поколение превратится в глыбы земли, когда уже некому будет ни краснеть, ни заступиться за вас... — тогда новые, ни лестью, ни порицанием не ослеплённые люди, развернув таинственный свиток... узнают то, чего не ведали мы, и тогда только каждому из вас назначится приличное и никогда уже неизменное место в бытописаниях времён»²¹. Место, как и название, должно оставаться неизменным. Именно современники и участники событий назвали войну — Отечественной. Таковой она и останется, несмотря на все потуги скептиков...

Примечания

1. Карамзин Н. М. Соч. в 2-х т. Т. 2. Л. 1984. С. 221.
2. О том, что русские дворяне боялись Наполеона «как носителя идеи свободы и прежде всего крестьянской свободы», писал А. В. Предтеченский, а это, в свою очередь, способствовало тесному единению сословия дворян вокруг трона. См.: Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М. 1950. С. 227, 229.
3. Англофильские настроения в российском обществе того времени, особенно в среде аристократии, проследил тот же Предтеченский и пришёл к выводу: «В период наполеоновских войн до Тильзитского мира английский влияние достигает своего апогея» (Предтеченский А. В. Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб. 1999. С. 44). Аристократы-англофилы получили тогда в русском обществе клички «англоруссов» и «торристов», по аналогии с консервативной партией в Великобритании.
4. См.: Безотосный В. М. Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М. 2002. С. 16–22.
5. П. Г. Дивов именовал её «клифляндской партией при дворе, в челе которой была

- овер-гофмейстера графиня Ливен, действующая чрез внушения, чинимые ею матери императора» (Повесть о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 88). Историк С. С. Татищев полагал, что «Будберг и Ливен считались глазами «немецкой шайки», со времени возвращения Александра из Аустерлицкого похода и сближения его с Пруссией, получившей при дворе большой вес и значение» (Татищев С. С. Мировой раздел: От Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1891. № 12. С. 11).
6. К ней относили немногочисленный кружок братьев графов Румянцевых, князя А. Б. Куракина и М. М. Сперанского, хотя сторонников Франции или Наполеона среди них найти было нельзя, скорее их можно было назвать сторонниками мирного развития событий в отношениях с Парижем.
7. Подобные бездоказательные обвинения и подозрения выдвигались против многих сановников и их беспочвенность была очевидной даже для властей. Примечательно, что принадлежность к иллюминатству некоторые горячие головы приписывали не только Карамзину, но даже самому главному «обличителю» — Фёдору Ростопчину. См.: Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1885. С. 309.

8. Н. И. Казаков в своей работе привёл интересную подборку мнений и отзывов — в основном отрицательных — представителей русского общества того времени о французском императоре и проводимой им политике. См.: Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4.
9. Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. М. 2006. С. 75–76.
10. В Петербурге до 1807 г. одним из лидеров роялистов называли неаполитанского посланника герцога А. М. Серра Каприола. По свидетельствам современников, «его дом не переставал быть центром постоянной оппозиции против императора французов» и являлся «своего рода петербургским штабом роялистов» // Степанов М. [Шебуни А. Н.] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29–30. М. 1937. С. 588, 590.
11. В 1812 г. в составе русской армии воевало по крайней мере одиннадцать генералов, бывших подданных французского короля и подпадавших под определение роялистов. См.: Безотосный В. М. Российские генералы французского происхождения в 1812–1815 гг. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец. 1998. С. 13–16.
12. Тартаковский А. Г. Военная

- публицистика 1812 года. М. 1967. С. 7.
13. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М. 1990. С. 212.
14. Военно-статистический сборник. Вып. IV (Россия). Отд. 1. СПб. 1871. С. 50; Колокольников П. Н. Хозяйство России после войны 1812 года // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М. 1912. С. 115; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М. 1963. С. 164.
15. См.: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. 2004. С. 522. Укажем, что авторы труда «Столетия Военного министерства» на разных страницах одного тома (Столетие Военного министерства / Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Александра I. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. СПб. 1912. С. 72, 134) давали разную численность ополчения в 1812 г.: 310 535 и 280 951 человек.
16. Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб. 1859. С. 184.
17. Столетие Военного министерства... Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. С. 132.
18. Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 1. М. 1992. С. 204–205.
19. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. Т. VII. М. 1970. С. 292–293.
20. Греч Н. И. Указ. соч. С. 211.
21. Глинка Ф. Письма русского офицера. М. 1987. С. 273.